

ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ БРАКА *

Введение

Модернизация брака и семьи, происходящая как в России, так и во всех европейских и североамериканских странах, охватывает многие аспекты частной жизни людей: взаимоотношения женщин и мужчин, взрослых и детей - родных и приемных. По существу в сфере семьи и брака уже на протяжении нескольких десятилетий происходит ослабление и даже ломка традиционных, патриархальных устоев, ролей, представлений, стереотипов. В основе этих изменений лежат ценности XX века: расширение свободы выбора для мужчины и для женщины как в семейной, так и в общественной области, равенство супругов-партнеров, большие возможности для самореализации и контактов между поколениями.

Модернизация семьи статистически проявляется в повышении частоты разводов, вступлений в повторные браки, во всё большем распространении неофициальных супружеских союзов, внебрачной рождаемости. Повышается число семей, в которых родители, чаще всего отцы (отчимы), не связаны с детьми биологическим родством. И наоборот, нередки такие ситуации, когда родной отец в силу жизненных обстоятельств, например, развода, теряет социальные связи со своими детьми. Так что в процессе модернизации семьи претерпевает существенные изменения роль и статус отца, сам институт отцовства.

В данной статье рассматриваются некоторые методологические и методические аспекты исследования феномена современного отцовства с точки зрения реализации репродуктивных прав и ответственности мужчин. Под отцовством здесь понимается культурное явление, исторически возникшее в моногамной семье, и сущность которого состоит в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и воспитание своих детей.

Исходная идея-гипотеза исследования состоит в том, что в процессе модернизации семьи изменение традиционных стереотипов, связанных с отцовством, трансформация ценностной системы мужчин имеет противоречивый, «болезненный» характер, поскольку мужчины более, чем женщины, консервативны в семейной сфере. Так что осознанная

* Статья подготовлена в рамках проектов: «Партнерство кафедры общей социологии ЭФ НГУ и факультета социологии Московской Высшей Школы социальных и экономических наук», финансируемого Институтом Открытое Общество, руководители – А. Филиппов, Т. Богомолова; «Отцовство в контексте модернизации брака: права, ответственности, проблемы (на примере Сибири)», финансируемого Фондом Макартуров, # 00-62626.

ориентация «на детей», на реализацию отцовства, родительства (репродуктивное поведение мужчины и женщины) становятся в наши дни, возможно, единственным основанием для заключения официального брака.

1. Модернизация - современный этап трансформации брака и семьи

На протяжении всего XX века демографическая ситуация в России, как и во многих европейских странах, характеризуется схожими тенденциями: снижением показателей рождаемости, чисел заключаемых браков, росте разводимости, распространении незарегистрированных супружеских союзов, первичных или повторных. И в России, и в индустриально развитых странах феномен сожительства становится статистически значимой альтернативой официальной семье, зарегистрированному браку. Соответственно, растут и показатели внебрачной рождаемости - в европейских, североамериканских странах, в России. Но на фоне высокой частоты разводов увеличивается число повторных браков. В 1996г. их доля приблизилась в России к 30 % как для мужчин, так и для женщин. По социологическим данным, в 17 % обследованных семей дети воспитывались отчимом. Для США аналогичный процент равен 30, 2/5 разведенных женщин создают новые семьи (stepfamilies), супружеские союзы на протяжении жизни (MacDonald, DeMaris 1996).

В этих сходных процессах, происходящих в сфере семьи и брака многих стран, отражается так называемая модернизация демографической сферы общества. Социокультурная модернизация частной, семейной сферы происходит на основе объективных процессов, описываемых в терминах теории демографического переходов (первого и второго - Lesthaege 1992). И по-видимому, глубинные процессы в брачно-семейной сфере России, сходные с общемировым процессом, происходят как в силу относительной автономности демографической сферы нашего общества (и тем самым служат свидетельством высокой развитости этой сферы в России), так и из-за экономических (временных) проблем. Так что специфика российских исследований состоит ещё и в изучении влияния на трансформацию семьи и брака условий общесоциального экономического кризиса в России в последнем десятилетии XX в.

Вообще, термином модернизация характеризуется процесс социо-культурных изменений, связанных с переходом от традиционных, религиозных, жестко контролируемых ценностей к базисным ценностям, определяемыми личностной автономией и предпочтениями. Модернизация брака и семьи состоит в растущей приоритетности индивидуалистских ценностей: расширении свободы выбора для женщины и мужчины как в семейной, так и в социальной области, равенстве супругов-партнеров, большие возможности для самореализации (Вишневский 1993; Мэддок 1995).

Нетрадиционные стили, формы семейной жизни стали признаваться и в общественном мнении, и в литературе. В XX веке изменение отношения к нетрадиционным формам брака, семьи стало настолько очевидным, что М. Mead (1970) констатировала существование так называемого двухступенчатого брака. Первая ступень – «индивидуальный (или супружеский - Голод 1994) брак», в который мужчина и женщина вступают с целью сексуального сожительства без рождения детей. Вторая ступень - «родительский брак», который заключается с целью рождения детей. На первой ступени брак зачастую не регистрируется, на второй ступени партнеры официально фиксируют свои отношения. J.E. Goldtorp (1987) приводит статистические данные, подтверждающие правоту наблюдений М. Mead.

Стало быть, именно репродуктивные намерения брачной пары, реальное поведение, направленное на рождение детей, являются наиболее актуальным основанием для перехода от неофициального союза к «законному». В этом, казалось бы «формальном», переходе содержится, по-видимому, глубинная сущность моногамной семьи, как социального института, эволюция которого происходит на протяжении всей истории человечества, но который даже и на рубеже третьего тысячелетия характеризуется относительной стабильностью.

По существу, модернизация охватывает все аспекты частной жизни людей: отношения женщин и мужчин, взрослых и детей - родных и приемных (stepchildren). В этом процессе роли женщины-матери, мужчины-отца, вообще социальные институты материнства, отцовства, детства претерпевают существенные изменения.

2. Феномен отцовства (социологический, исторический аспекты)

Идея исследовать феномен отцовства возникла у меня при анализе результатов изучения причин распространения внебрачной рождаемости и феномена сожительства. Полученные данные, на основании которых я построила дискурсные типологии одиноких матерей и неофициальных супружеских союзов, с очевидностью показывают, что брачные, родительские ориентации, представления и реальное поведение мужчин (брачных партнеров, отцов внебрачных детей, отцов женщин-матерей) играют очень важную роль в жизненном, репродуктивном выборе женщин (Михеева 1998, Михеева 1999).

С другой стороны, существует много данных, давних и новых, свидетельствующих об отрицательном влиянии одиночества на здоровье и продолжительность жизни людей. Притом, на состоянии здоровья, благополучии мужчин это сказывается значительно сильнее, чем на здоровье и благополучии женщин. Так, в прошлом веке немецким врачом Кристофом Гуфелондом было установлено, что смертность холостых мужчин в возрасте 20-30 лет на 25

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

% превышала смертность их ровесников, состоявших в браке (цит. по Волков 1986). В конце 1980-х годов американскими исследователями подсчитано, что «холостяцкая жизнь мужчин» укорачивает их жизнь на 3500 суток, тогда как для женщин их «незамужняя жизнь» - только на 1600. Важность семейной сферы для мужчин прослеживается и по их большей доле, по сравнению с женщинами, среди пациентов психиатрических больниц и обратившихся к врачам-психиатрам, %* (Аргай 1990)

	холостые	разведенные	вдовы
мужчины	3,13	5,09	2,53
женщины	1,74	2,80	1,43

* Здесь следует учесть и то, что женщины с большей готовностью признают у себя наличие психических расстройств и чаще обращаются к врачам. См., также, (Добровольская 1994)

Отмечу, что если раньше социологами констатировалась ценность семьи, брака исключительно для женщин, и семейная проблематика поднималась в контексте женских исследованиях, то сейчас становится понятно, что мужчинам брачные, отцовские, семейные отношения ещё более нужны, чем женщинам. Неудовлетворенность одиночеством у мужчин более остра и длительна (Попова 1989, Черепухин 1995, Kontula & Naavio-Mannila 1995). Дихотомия работы и семьи как ролевое противопоставление феминности и маскулинности, мужчин и женщин, теперь уже преодолевается и в рамках теории гендерной перспективы (в отличие от феминистских исследований) (Ferree 1991).

Важным методологическим моментом изучения брака, семьи (включая материнство, отцовство, детство), их места в системе ценностей является то, что становление и развитие этих институтов имеет двойную детерминацию: биологическую и социальную. Исторически это складывалось в процессе возникновения человеческого общества, в начале социализации биологических связей между первобытными мужчинами и женщинами. Вводимые запреты (табу) были направлены на:

- 1) устранение столкновений на почве ревности,
- 2) повышение жизнеспособности потомства,
- 3) наследование собственности.

В первых двух группах ограничений важным являлось биологическое отцовство - биологическое отношение мужчины к своим прямым потомкам. Роль социального отца - воспитание и содержание детей - выполняли братья матери (авункулат). Лишь с третьей группой ограничений биологическое отцовство приобрело социальное значение. Стало быть, отцовство как социально-культурное явление возникло лишь на той стадии, когда появилась семья, основанная на моногамном браке. В отличие от биологического материнства,

биологическое отцовство не является очевидной связью; оно не поддается точному установлению даже современной наукой.

Связь отца с ребенком опосредуется его сексуальными отношениями с матерью этого ребенка. Чтобы реализовать преемственность имени, собственности обществу пришлось найти более-менее достоверное средство для установления этой связи - институт брака. Гарантией того, что женщина рождает детей именно своего мужа, мог стать только запрет на добрые и внебрачные *ее* сексуальные связи. На жесткость и даже жестокость этого запрета и были направлены раньше и сохраняются сейчас практически все нормативы традиционной (дуальной, двойной) морали. На мужчине лежала ответственность за то, чтобы его социальное отцовство совпадало с биологическим, т.е. требовать от жены супружеской верности (Думбляускас 1988). Очевидно, в этом коренится источник ревности, которая неизбежно сопровождает любовь.

Строгость традиционных стереотипов менялась как в историческом времени, так и в разных странах (Бердяев 1971, Курильски-Ожвэн 1995, Элиас 1994 и др.). И судя по специальным исследованиям, вряд ли можно утверждать, что в России, в российской культуре мужчина был слишком строг по отношению к поведению своей жены. В традиционной многопоколенной семье роль главы чаще выполняла старшая женщина, т.е. мать мужа (образ Кабанихи в известной пьесе А.Островского). Традиционная роль мужчины-отца была иждивитель, т.е. кормилец, зарабатывающий хлеб вне дома. То, что в доме, в российской семье главенство женщины было традиционно и сохраняется теперь, подтверждается и результатами сравнительного исследования представлений российских и французских подростков о ролях отца и мамы в семье (Курильски-Ожвэн 1996).

Переход к нуклеарной малодетной модели семьи с двумя работающими родителями, а затем и к современным формам союзов мужчин и женщин происходил в условиях растущей независимости, эмансипации женщин. Российское «равноправие» мужа и жены в осуществлении роли «кормильца», «добытчика», по-видимому, ещё больше снизило роль мужчины в семье, привело к ослаблению функции социального отцовства, ослаблению чувства ответственности за воспитание, социализацию своих потомков.

Конечно, переоценка мужчинами своих отцовской и супружеской ролей, ориентаций, представлений происходило в России (и в СССР) в результате специфических исторических условий. Прежде всего, это отмена права на наследование собственности, что в немалой степени сказалось на ослаблении «фундаментальной» мужской заинтересованности в родных, любимых наследниках. Во-вторых, это правовое непризнание биологического отцовства вне зарегистрированного брака, действующее в СССР в 1944-1968 гг. В-третьих, - феминизация

воспитания и образования мальчиков, обусловленная, в свою очередь, как советскими идеологическими стереотипами (разделения труда), так и объективными ситуациями – послевоенными диспропорциями численностей мужчин и женщин.

Поэтому, впитывая многие принципы «женской», более гибкой, культуры, некоторая часть мужчин ориентируется, по-видимому, на новый тип отцовства, преимущественно социальный, на ответственность и за неродных детей тоже (опосредованно через мать этих детей), т.е. без требования биологического родства с воспитываемыми детьми. Родственные отношения для этого типа отцов заменяются на партнерские, более демократичные, эмоциональные, чувственные. Но, с одной стороны, это противоречит традиционным культурным стереотипам отцовства, с другой – соответствует многим чертам модернизации частной, семейной жизни людей. Стало быть именно эту группу мужчин, по-видимому, можно рассматривать «агентами» модернизации институтов семьи, моногамии, отцовства.

Другая группа мужчин, гораздо, по-видимому, более многочисленная, ориентируется всё-таки на традиционную неразрывность биологического и социального отцовства. О приверженности большей части мужчин традиционным гендерным стереотипам пишут Г.Зиммель, Н.Дж.Смелзер; это показывают и результаты специальных медико-социологических обследований (Ваганов, Алленов и др. 1996). И я делаю такое же предположение по данным проведенного мной обследования внебрачного материнства, а именно: по-видимому, для традиционно ориентированных мужчин неофициальные союзы, в отличие от зарегистрированного брака, не являются гарантией их биологического отцовства. Сомнения неофициальных мужей в кровно-родственном отношении с ребенком своей сожительницы, выраженные зачастую в резкой форме, становятся причиной распада союза, бывшего прежде даже и долговременным, вскоре после рождения ребенка.

Таким образом, основная идея-гипотеза планируемого исследования феномена отцовства состоит в том, что в процессе модернизации брака этот феномен постепенно приобретает все более социальные, опекунические свойства, но ослабляются его кровно-родственные ограничения. Однако трансформация в этом направлении ценностной системы и представлений мужчин имеет «болезненный» характер; мужские традиционные стереотипы, связанные с отцовством, имеют относительно более устойчивый, жесткий характер. Ситуация перехода усугубляется «давлением общества»: слишком глубоко заложен у людей образ женщины, как «хранительницы очага» и образ мужчины как «добытчика» средств к существованию (Kornblit & ot.1998). Но, возможно, в этом коренится иррациональность (биологичность) «репродуктивной стратегии» мужчин-отцов, состоящая во вступлении официальный брак с целью рождения *своего* кровно-родственного потомства. И наоборот,

находит рациональное объяснение дуальная мораль (мужская-женская) с её жесткостью и вековой устойчивостью, присущая моногамной культуре, которая исторически возникла в процессе борьбы за выживание человеческой популяции.

3. Социологическая литература об отцовстве

Феномен отцовства - мало изученная область социологии и демографии семьи, брака. В последнее время наметилось повышение интереса исследователей к этой проблеме. В центре этих работ - роль отца в социализации детей, проблемы социализации, адаптации и пр. (Ганшин 1988, Наруск 1988, Guttman 1996 и др.) На рубеже 60-70-х гг. внимание к этим проблемам возросло в связи с высокой разводимостью, и появились работы о контактах разведенных отцов со своими детьми и связанных с этим проблемами (Девис 1979, Ферстенберг и др. 1985, Stephens 1996). Именно эти проблемы – роль отца в социализации и выполнение им семейных функций – рассматриваются в сборнике «Отец в современной семье», подготовленному по результатам уникального, в смысле изучения статуса отца в советской семье, исследования, которое было проведено под руководством Н.Я.Соловьева в Вильнюсе в 1987 г.

Появляются работы и о долговременных последствиях (одиночество и отсутствие поддержки в старости) для многих разведенных мужчин (De Jong Gierveld et al. 1997). Но собственно мужчины-отцы (родные и отчимы), их репродуктивные права, их ориентации в сфере брака и родительства объектами исследований являются пока весьма редко. Хотя в последнее время научный интерес к этой проблеме растет. Например, Heather Juby et al (1998) анализируют изменения семейного статуса мужчины (сожителя - супруга – отца – одиночки – отчима), сравнивая 3 поколения канадцев. Steven L. Nock (1998) выявляет факторы и последствия добрачного отцовства. Работа Carmen Barroso (1997) посвящена изучению возможных мер поощрения отцовской ответственности за своих детей в странах южного полушария.

Большинство исследователей проблем отцовства и маскулинности приходят к выводу, что декларируемый в литературе стереотип мужчины-добытчика в конце XX века не соответствует ни идеалам мужчин-отцов, ни их реальному поведению в семье. Кроме того, существует большое многообразие различных «практик» отцовства, но заметно проявляется тенденция большего участия молодых мужчин в проблемах своих детей, по сравнению с поколениями их собственных отцов и дедов (Guttman 1996). В России изучение проблем отцовства - тема сравнительно новая.

Задача исследовательского проекта «Социальные аспекты отцовства» заключается в целенаправленном эмпирическом изучении данного феномена через призму представлений, ценностей мужчин, реализации их репродуктивных интересов, прав, ответственности.

*4. Мужчина в семье: добытчик, домашний работник, воспитатель? (некоторые результаты разведывательных обследований)**

Распространение новых практик семейного, родительского поведения мужчин может происходить (и происходит) на множестве уровней – поведенческом, формально-институциональном, идеологическом и т.п. Сказывается ли на распространение современных семейных практик содержание гендерных норм мужской морали и ролевых стереотипов в области брака и отцовства? Если сказывается, то каким образом? Как это проявляется на поведенческом и идеологическом уровнях? Ответить на эти вопросы предстоит по результатам специального социологического обследования, запланированного на начало 2001г. Пока же, как предварительные, приведу результаты уже проведенных исследований: 1)ценностных ориентаций городских мужчин в сфере семьи и работы (Меньщикова 1999), 2)гендерных аспектов распределения домашнего труда в сельских семьях (Тарасова 2000, Кусова 2000, Горелов 2000, Белов 2000).

По данным первого обследования (опрошено 200 человек – мужчин старше 20 лет, представителей различных социальных групп, жителей г. Новосибирска) были сделаны следующие выводы:

✓ У респондентов практически отсутствует ориентация на приоритетность профессиональных ролей над семейными: в целом 95 % отметили, что и работа, и семья в равной степени необходимы мужчинам. Ситуация несколько варьируется в зависимости от возраста: молодые люди делают акцент на профессиональных достижениях, с повышением возраста мужчины чаще отмечают необходимость стабильной семейной жизни.

✓ Ориентация на отцовство присутствует у опрошенных всех возрастов, мужчины нацелены иметь детей и заботиться о них. Желаемое число детей зачастую превышает то, что было в семье родителей. Главное условие отцовства – наличие стабильной семьи.

✓ Позиция респондентов относительно семейных ролей оказалась довольно противоречивой: почти 80 % их считают, что и муж, и жена должны вносить свой вклад в доход семьи, но при этом большинство из них рассматривают профессиональную работу женщин как помеху семейной жизни.

* В этом разделе содержится вторичный анализ материалов, полученных в процессе подготовки под моим научным руководством дипломных и курсовых работ студентами-социологами: М. Меньщиковой, М. Тарасовой, Е. Кусовой, В. Гореловым, А. Беловым, которым я признательна за участие и интерес к данному проекту.

✓ Большую роль для всей последующей жизни мужчины играет авторитет отца. Модель взаимоотношений родителей во многом переносится опрошенными на собственную семью. Однако, у опрошенных мужчин, воспитанных в семье с эгалитарной, демократической структурой, чаще проявляется ориентация на патриархальный тип семьи - с мужем во главе и традиционным распределением семейных ролей.

Таким образом, данные о ценностных ориентациях мужчин – жителей г.Новосибирска - показали, что для респондентов одинаково важны и благополучная семейная жизнь (брак, дети), и профессиональная занятость. Вместе с тем в исследовании не получен ответ на вопрос: совпадают ли эти ориентации с реальным поведением мужчин в семье? Насколько в их жизни реализуются представления о желаемом соотношении ролей, а также - о предпочитаемом типе внутрисемейного взаимодействия?

Попытка ответить на эти вопросы была предпринята в следующем обследовании (осень 1999 г., сельское население Новосибирской области*), где был сделан акцент на анализе реализации хозяйственно-бытовых ролей в семье. Такое смещение акцента на домашние дела, справедливость их распределения между супругами, различие структуры на разных этапах жизненного цикла и в разных по составу семей обусловлено тем, что здесь наиболее наглядно проявляются переходные процессы в семейной жизни. Причем, под «домашними делами» подразумеваются и уход за детьми, и содержание жилища, и бытовые обязанности, и материально-хозяйственное обеспечение (для сельских жителей - работа в личном подсобном хозяйстве).

В англоязычной литературе существуют термины «fatherhood», motherhood, придающие теме более «родительский» (демографический, кровно-родственный) смысл, и термины «fathering», «gatekeeping (maternal, paternal)», больше характеризующие хозяйственно-бытовые, экономические заботы взрослых по отношению к детям, к семье. Так что изучение гендерных аспектов трансформации хозяйственно-бытовых ролей в семье (fathering, gatekeeping), соответствует логике неразрывности происходящих в семье преобразований.

Актуальным было и проанализировать современное состояние внутрисемейной жизнедеятельности в сельской местности Сибирского региона, где, возможно, традиционная модель семейной структуры ещё довольно устойчива.

Материалы проведенного обследования (560 сельских жителей Новосибирской области, репрезентативная выборка) дают основание для следующих выводов:

* Из-за ограниченности средств на проведение специального полевого обследования мы сочли необходимым и возможным соучаствовать в обследовании бюджетов времени сельского населения. Это обследование проводится регулярно под руководством главного научного сотрудника ИЭиОПП СО РАН д.ф.н. Артемова В. А. В рамках

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

✓ В сельской семье в Сибири на протяжении жизни по крайней мере 2-3 поколений (судя по возрастному нивелированию ответов) происходит трансформация социальных норм, регулирующих распределение семейных обязанностей между супругами: семьи 9/10 сельчан могут быть отнесены к переходному типу, в ролевой структуре которого сочетаются черты патриархальности и демократичности.

✓ Реализация патриархального компонента структуры семьи, состоящего в том, что работы по дому и воспитание детей закрепляются за женщиной, работы по хозяйству – за мужчиной, происходит в почти половине сельских сибирских семей.

✓ Черты демократичности (эгалитарности) ролевой структуры проявляется в следующих моментах:

- + отсутствие (противоречивость) представлений о «главе семьи»,
- + в том, что оба супруга работают вне дома (если не работают, то временно).
- + 35 % опрошенных мужчин-отцов занимаются воспитанием детей практически наравне с матерью,
- + ещё 9 % опрошенных мужчин можно отнести к типу «отец-воспитатель», т.к. их вовлеченность в воспитательный процесс большая, чем у матери, а также высока степень участия этих отцов в выполнении домашних работы,
- + значительная часть опрошенных женщин (40%) высказывает неудовлетворенность принятой в их семьях «традиционной» моделью распределения семейных обязанностей,
- + ролевые ориентации, предпочтения сельских мужчин и женщин отличаются большей демократичностью (эгалитарностью), по сравнению с реальным распределением и ведением семейно-бытовых обязанностей.

✓ Сельские мужчины более привержены «традиционным» семейным взглядам, оценкам, ролевым ожиданиям (по сравнению с женщинами).

Очевидно, что ограниченные возможности «встроенного» инструментария, специфика выборки бюджетного обследования и другие методические проблемы позволили ответить только на небольшой круг исследовательских вопросов. Однако ясно, что полученные данные показывают заметные сдвиги в семейном сознании и поведении сельских женщин и мужчин.

Приведенные данные разведывательных обследований положены в основу системы рабочих гипотез планируемого специального обследования по социальным аспектам отцовства в контексте модернизации семьи и брака.

Скорее всего, результаты этого проекта будут иметь дискуссионный характер, как в научных кругах, так (особенно) и в кругах, принимающих решения о конкретных мерах семейной политики. Наличие же научно обоснованных доказательств стабильности института семьи, независимо от форм супружеских союзов, укрепление норм мужской ответственности

данного обследования мы получили возможность апробировать инструментарий для изучения ролевой структуры сельских семей, соответствующий задачам дипломных и курсовых работ студентов-социологов.

за детей (в контексте распространения постмодернистских ориентаций «на другого»), может стать основой более спокойного отношения общества, а затем и законодателей к современным моделям брака, семьи.

Список литературы

1. Аргай М. *Психология счастья*. М. 1990,
2. Белов В. 2000. Распределение обязанностей в семье: элемент потенциальной стабильности брака. Курсовая работа, 3 курс, научный руководитель к.э.н. Михеева А.Р. кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск.
3. Бердяев А.Н. 1971. Русская идея. В кн. *Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века*. Париж, 108-157.
4. Ваганов Н.Н., Алленова И.А. и др. 1996. Работа с мужским населением по планированию семьи (Медико-социальный аспект) // *Семья в России*, N 2, 92- 101.
5. Вишневецкий А.Г. 1993. Современная семья и идеология // *Свободная мысль*. 1993, N 11, 110-120.
6. Волков А. 1986. *Семья как объект демографии*. М.
7. Ганжин В. 1988. Отец и дочь (о психологии современного отцовство). В кн. *Отец в современной семье*. Вильнюс, 75-84.
8. Голод С.И. 1994. Сексуальное поведение и субкультурная дифференциация полов. // *Социологический журнал*, N 4, 127-133.
9. Горелов В. 2000. Роль отца в современной семье (на примере Новосибирской области). Курсовая работа, 3 курс, научный руководитель к.э.н. Михеева А.Р. кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск.
10. Девис К. 1979. Прекращение браков в США (пер. с англ.). В сб. *Развод. Демографический аспект*. Москва. Статистика, 108-127.
11. Добровольская В.М. 1994. Социокультурные различия смертности мужчин и женщин России. В кн. *Женщина и свобода. Материалы международной конференции*. Москва, 147-151.
12. Думбляускас В. 1988. О понятии отцовства. В кн. *Отец в современной семье*. Вильнюс, 134-138.
13. Зиммель Г. 1996. *Содержание жизни (Избранное)*. Соч. В 2 Т. , Т. 2, Москва.
14. Клецин А.А. 1994. Внебрачные и альтернативные (немодалные) семьи: формы и содержание // *Рубеж*, N 5, 166-179.
15. Курильски-Ожвэн Ш. 1995. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // *Общественные науки и современность*, N 5, 155- 168.
16. Курильски-Ожвэн Ш. 1996. Семья, равенство, свобода: модели права и индивидуальные представления подростков Франции и России // *Общественные науки и современность*, N 2, 61-71.
17. Кусова Е. 2000. Изменение ролевой структуры семьи на разных этапах жизненного цикла (на примере сельской семьи Новосибирской области) Курсовая работа, 3 курс, научный руководитель к.э.н. Михеева А.Р. кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск.
18. Меньшикова (Осоргина) М. 1999. Ценностные ориентации мужчин в сфере семьи и работы. Выпускная работа, 4 курс, научный руководитель к.э.н. Михеева А.Р. кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск.
19. Михеева А. 1998. От сожителства к семье (взгляд на трансформацию института брака сквозь призму женских историй) // *Общество и экономика: социальные проблемы трансформации*. Под. Ред. А. Михеевой, ИЭиОПП, Новосибирск, 169-184.

20. Михеева А.Р. 1999. Некоторые особенности современного процесса формирования семьи // ЭКО, № 9, с. 120-130 .
21. Мэддок Дж.У.1995. Семейная жизнь и сексуальность. В кн. *Семья на пороге третьего тысячелетия*, М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих. ценностей. 86-109.
22. Попова П. 1989. *Современный мужчина в зеркале семейной жизни*. Москва, Мысль, 188 с.
23. Смелзер Н.Дж. 1992. Социология. Гл. II. Сексуальные роли и неравенство // *СоцИс*. NN 8, 10.
24. Тарасова М. 2000. Ролевая структура сельской семьи: от традиционности к современности (на примере Новосибирской области). Дипломная работа, 5 курс, научный руководитель к.э.н. Михеева А.Р. кафедра общей социологии, ЭФ НГУ, Новосибирск.
25. Ферстенберг Ф.Ф., Норд Л.У., Петерсон Дж.Д., Зилл Н. 1985. Распад брака и контакты родителей с детьми // *СоцИс.*, N 4.
26. Черепухин Ю.М. 1995. Семейные установки одиноких мужчин // *Социологический журнал*, N 1, 159-165.
27. Элиас Н. 1994. Отношения мужчины и женщины: изменение установки // *THESIS, Женщина, мужчина, семья*. Вып.6, Москва, 103-126.
28. Энгельс Ф. 1891. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, М., 1962.
29. Barosso, Carmen. 1997. Policy strategies to encourage greater involvement of fathers with their children in Southern countries. In: *International population conference, Beijing*. Vol. 2, 831-847
30. De Jong Gierveld, Jenny & Dukstra Pearrl A. 1997. The long-term consequences of divorce for fathers. In: *International population conference, Beijing*. Vol. 2, 849- 866.
31. Ferree, Мура Марх. 1991. Феминизм и семейные исследования. (пер. с англ. Т. Гурко) // *Гендерные тетради. Выпуск второй*. Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский филиал. Санкт-Петербург, 1999, 71-96.
32. Goldtorp, J.E. 1987. *Family life in Western societies: A historical sociology of family relationships in Britain and North America*, Cambridge, etc, 285 pp
33. Guttman, Matthew. 1996. *The Meaning of Macho: Being a Man in Mexico City*. Beerkeley: University of California Press.
34. Kontula, Osmo and Haavio-Mannila, Elina. 1995. *Sexual Pleasure. Enhancement of Sex Life in Finland, 1971-1992*. Andershot, Brookfield USA: Dartmouth.
35. Lesthaege, Ron. 1992. *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*. Brussels: IPD Working Paper.
36. MacDonald, W.L., DeMaris A. 1996 Parenting Stepchildren and Biological Children. The Effect of Stepparent's Gender and New Biological Children // *Journal of Family Issues*, Vol.17, No. 1, 5-25.
37. Mead, Margaret. 1970. Marriage in two steps, *The family in search of a future*, Otto N. L. (Ed), N.Y., 75-84.
38. Stephens, L.S. 1996. Will Johnny See Daddy This Week? An Empirical Test of Three Theoretical Perspectives of Postdivorce Contact // *Journal of Family Issues*, Vol.17, No. 4, 466-494.